

Ольга Макарова

Возвращение домой

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Дмитриевна Макарова

Возвращение домой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42653151

SelfPub; 2019

Аннотация

Художественное произведение о том, как и почему не самые плохие люди из поколения в поколение поневоле становятся "лишними". Все ситуации, персонажи и прочий контекст произведения вымышлены, на основе рассказов некоторых людей о событиях их жизни. Все совпадения с реальностью случайны. Мнение и взгляды автора могут не совпадать с мнением и взглядами персонажей. Обложка оформлена автором. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Накись	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Бабушкам Труниной Зинаиде Васильевне и Масловой Галине Алексеевне, прабабушке Губиной Ольге Дмитриевне.

Накипь

Часть 1

У Любки Рыжовой день рождения за два дня до нового года – 29 декабря. «Лучше бы 29 февраля, – шутили девчонки из корректорской, – Не каждый год было бы так неудобно». Любка обычно предупреждала за неделю, тихонько подходила, ставила локти на стол, опиралась на ладони подбородком и с видом заговорщицы заглядывала в глаза и шептала: «Леночка, двадцать девятого после работы ко мне, я с Иосифом Всеволодовичем договорилась, всех отпускает пораньше. Девочки обещались, ничего особенного, ненадолго, коньячок, курочку пожарю (уже купила – хорошая), конфеты, посидим часочек-другой, песни попоем». Все, конечно, соглашались – трудно отказывать, глядя в глаза просящему. Но за два дня до нового года, когда можно под благовидным предлогом улизнуть с работы, тащиться на нудные посиделки к молодящейся притворно-веселой женщине? И это вместо того, чтобы, пользуясь ранним будним временем, столь приятным из-за отсутствия в магазинах рабочего люда, носиться по городу в поисках подарков домашним и какой-нибудь дефицитной снеди на новогодний стол? Да девчонки весь год ждут этого дня! Плюгавенький Йосик строго блюдет должностную инструкцию и никого никогда просто так не

отпускает, даже накануне женского дня ждет специального распоряжения высшего начальства. И переплетчицы, и нормировщицы, и бухгалтерши с библиотекарями, все с тюльпанами и пьяные, и даже мужики из печатного и наборного цехов, пошатываясь, уплывают уже далеко за проходную, когда Йосик, поджав губы, только звонит наверх, и, вздыхая, говорит: «Сокращенный день, девочки, можете идти».

Все знают, за что Любке такое послабление со стороны Йосика: хочет опоздать, хочет, уйдет пораньше, может и на работу не выйти, а может и весь коллектив отпросить к себе на день рождения. Все знают, но никто ей не завидует, напротив, жалостливо презирают. Во-первых, Йосик из разряда карманных мужчин – росточком не вышел, при этом еще и страшен как черт – сам лысый, а из ушей такие кудри черные прут, что хоть наверх зачесывай, глазки злые маленькие, лоб сморщенный, нос как клюв хищной птицы. Одно-го взгляда на это тщедушное тельце достаточно, чтобы увидеть все его пороки и проблемы со здоровьем. Во-вторых, характер у него мерзкий, деспотичный. И при всем при этом этот недоразвитый «Наполеон» пожизненно женат на нормировщице Жанке. Ох уж эта Жанка! Поперек себя шире, высокая, суровая бабища с большими коровьими глазами и черной порослью под носом. И как только Любка не побоялась? Впрочем, Жанке, казалось, собственный муж был до лампочки, все радости жизни ей давно заменили романы в мягком переплете и корзиночки с маргариновыми розочка-

ми и сливовым повидлом из кафетерия фабрики. Приходя на работу, она безостановочно поглощала и то, и другое, и дома, наверное, занималась тем же.

Йосик давно положил глаз на Любку, еще когда она молоденькая в платице в цветочек, похожая на Гурченко, поющую про пять минут, первый раз переступила порог ректорской. Девочки-сослуживицы ее сразу приняли: открытая, веселая, с юморком, займы всегда даст, работы не боится, не выпендривается, как некоторые «красавицы», ничего лишнего себе не позволяет. Йосику оставалось только смотреть, да вздыхать.

Сидела Любка за одним столом с Женечкой, которая недавно вышла замуж за инженера, и потому чувствовала себя причастной к небожителям. Инженеры на фабрике были кастой привилегированной: никто точно не знал, чем они занимаются, большую часть дня инженеры проводили в курилке, пуская друг другу дым в очки, но при этом оклады у них были самые высокие. Женечка пребывала в эйфории, ей хотелось творить вокруг себя добро и сеять любовь. Она придумала, как избавить свою подругу от чрезмерной опеки со стороны начальника, да и вообще устроить Любкину жизнь. У мужа-инженера был друг, тоже какой-то интеллигент голубых кровей, пьющий благородные напитки. Вот и отправились они на совместный променад по вечернему парку – Любка под ручку с интеллигентом и Женечка с мужем-инженером. Вот об этого то инженера и разбилась вся Любки-

на жизнь.

Все знали, одна Женечка ходила в прежнем упоении и ничего вокруг себя не видела. Все молчали – жалко Женечку, Любку же дружно возненавидели, но только шушукались за спиной: «Пустила наседка лисицу в курятник, поутру петуха недосчиталась». Муж-инженер гнева на себя почему-то не навел, он вроде как в стороне – такая же Любкина жертва. До Женечки, наконец, дошло, когда однажды вечером ее Иван Сергеевич собрал свой скромненький чемоданчик и перешел в соседний подъезд, где у Любки была комната. Другая бы на ее месте глаза выцарапала «подружке», но Женечка скандалить не стала, уволилась по-тихому, и, не дожидаясь развода, уехала к маме в Москву. Иван Сергеевич даже чемоданчик не успел разобрать, так и вернулся в свое разоренное супружеское гнездо, прихватив с собой еще и пару сумок с Любкиными платьями в цветочек, а ля Гурченко.

Конфронтация перешла в открытую, девочки шипели как змеи, и распекали бывшую подругу на чем свет стоит. «Но, миленькие вы мои, – оправдывалась Рыжова, – это ж такая любовь, сердцу не прикажешь. Он же такой умный, такой добрый, такой порядочный». Не уговорила – замужние девчонки из корректорской, все как одна, с ужасом представляли себя на месте несчастной Женечки. Рыжову игнорировали. Впрочем, она скоро смирилась, началась для нее жизнь замужняя – спокойная и тихая. В обед она бежала в кулинару на углу и, отстояв там длинную очередь, покупала котле-

ты по-киевски, столь любимые Иваном Сергеевичем, чтобы вечером праздновать семейную идиллию, пожарив их с картошкой. Бывало, что Ритка Арбатуева, по прозвищу "Татарка", большая любительница вкусно пожрать, украдет у Любки ее трофеи (стол Рыжовой стоял у окна, и оттуда совсем не видно было темного угла, в котором рычал громоздкий белый холодильник Зил). Ритку никто не выдавал – насолить Лисице Рыжовой считалось делом благородным. Однажды Любка раскусила воровку по запаху, кинулась к Риткиной сумке, но не тут-то было – девчонки кольцом встали вокруг Татарки. Любка плакала и скулила от обиды, но не могла же она не класть котлеты в общий холодильник, до вечера-то они могут, и испортится!

«Не было бы счастья, да несчастье помогло!»: после очередного грабежа Любка, чтобы не кормить радость недругов своими слезами вышла в большой холодный коридор и уж там дала себе волю. Рыба – лупоглазая Машка из нормирующей шла из уборной и наткнулась на стенающую Любку.

Рыба обожала несчастье и несчастных, потому что сама была до крайности замордована жизнью: росла без отца с матерью-деспотом, пучеглазая и рыхлая она долго не могла выйти замуж, а когда вышла – в тридцать лет за престарелого слесаря Володина, никак не могла забеременеть, а когда, наконец, забеременела и родила двойню, слесарь Володин от радости перебрал, и престарелое сердце не выдержало. Через год она похоронила мать и теперь одна тащила двух

своих пучеглазеньких на зарплату нормировщицы. Пучеглазеньким икринкам не нравилось полное отсутствие в их жизни папы и многих удовольствий, которые имеют другие дети. Неспособные понять масштабы личной трагедии мамы, они считали ее злой и жадной и просто не любили.

Рыжова и Володина крепко сдружились, им было, что вылить друг другу. Татарка лишилась дармовщинки – Любка теперь хранила свою добычу в холодильнике нормировщиц и Рыбины дети регулярно получали от тети Любы печенье «Юбилейное» и шоколад «Аленка». Жизнь налаживалась, но как это всегда бывает – только расслабишься, судьба так треснет тебя по башке, что вскрикнешь. Умный, добрый, порядочный Иван Сергеевич, который, кстати, за прошедшие пять лет так и не удосужился оформить развод с Женечкой и семейную жизнь с Рыжовой, получил гневно-слезное письмо от матери своей законной: "...Ребенок, б..., растет без отца, а скоро в школу и что люди скажут? Вот Женечка рано или поздно встретит приличного человека, и хорошо бы ей замуж – а тут старый штамп в паспорте, и она сама писать тебе, скотине, стесняется, хотя надо было бы давно все точки над е расставить".

Инженер Степанов прочел, закурил, сел в горбатое кресло с полированными подлокотниками и стал крепко думать: "Здесь страсти-то поутихли – картошка с курицей надоела, а "Оливье" Любка так и не научилась готовить, а там ребенок – пять лет уже, оказывается – рожден, можно сказать, в

законном браке. Еще пять лет и в магазин можно будет посылать, без сдачи. И что же – какой-то хмырь будет своими грязными лапами по беленьким волосикам гладить и мороженое покупать? Опять же, Москва – столица нашей Родины. Футбол, хоккей, музеи всякие."

Купил цветы, торт, "Лучистое", "Столичную" и поехал пятничной вечерней электричкой в Москву, по указанному в письме обратному адресу.

Любка в тот день, как обычно, дожидалась своего Степанова у проходной, чтобы на глазах у злопыхательниц торжественно вручить ему в левую руку сумку с "кулинарией" и томно взявшись за локоток правой отправиться вдвоем со своим красавцем в счастливые семейные выходные в обжитом уюте.

– А он сегодня пораньше отпросился, сказал, в магазин надо – за тортом и цветами. У тебя день рождения, что ли? – бросил ей на ходу один из сослуживцев Ивана Сергеевича.

Рыжова полетела домой, как на крыльях: "Ваня решил устроить праздник без всякого повода. Вот это любовь".

А дома ждали и повод, и "праздник". Весь вечер металась она по квартире с письмом в руках, пила корвалол. В субботу, не выдержав одиночества и тоски, купила конфеты, "Арбатское" и пошла к Рыбе, чтоб напиться и забыться.

– Плохо все, – сказала Рыба. – Надо было, чтоб сразу женился. А теперь и из квартиры попрут, ты ж там не прописана.

Любка рыдала, но, все еще, надеялась. Она долго надеялась, даже, когда инженер Степанов, покинув ее, перевелся по должности и семейным обстоятельствам в Москву. Когда собственноручно перенес ее вещи из их обжитого отдельно-однокомнатного гнездышка с окнами на солнечную сторону обратно в холодную неуютную семиметровку, не дав забрать даже шторы с люрексом, за которыми она три дня стояла в очереди и писала номерочки на руке. Полгода она ездила по выходным по адресу, указанному в письме и сидела на лавочке возле подъезда. Первое время инженер, несмотря на протесты тещи, спускался, садился рядом, закуривал и, вроде как, извинялся:

– Люб, ну ты пойми, ребенок же. Я не мог иначе, я ж не знал, – и сплевывал себе под ноги.

– Я знаю, – обреченно кивала Рыжова, – ты же порядочный. Но, может, ты, все-таки, меня любишь? Вернись, пожалуйста, я же не против, чтоб ты с сыном виделся. Сколько хочешь, только вернись. Мне без тебя плохо...

Потом уже и спускаться перестал – и, вообще, на выходные старался на матч билеты взять. Ходил с ребенком, возвращался к вечеру, довольный – после футбола и кафе-мороженого. Любка целый день ждала за углом -только бы увидеть и услышать. С лавки ее матюками из окна, закрытого шторами с люрексом, прогоняла теща Степанова. Разглядев издали знакомую пружинистую походку, Рыжова подбегала:

– Ваня, здравствуй, а я опять приехала.

– Люб, при ребенке не надо.

– Может, ты, все-таки, меня любишь? Вернешься домой?

Мне без тебя плохо.

– А мне с тобой плохо. Ошибся я. Не ездь больше. Не мучай ребенка.

Кончилось тем, что семья Степановых обменяла однушку инженера в Подмоскovie и тещину двушку на трешку в другом районе и приезжать Любке стало некуда.

В корректорской злорадствовали, не стесняясь, в голос: "На чужом несчастье счастья не построить. А Женечка – молодец! Простила! Я бы не смогла. Хотя, ради ребенка можно и перетерпеться". Рыжова тихо сидела за своей конторкой и умывалась слезами, стараясь не издать ни звука. Иногда, все же срывалась, выбегала в коридор, шла к Рыбе – прорыдаться.

– Тебе в отпуск надо, развеяться. Сходи в профком – путевки в Пятигорск дают, попроси. Я в прошлом году с девчонками ездила, условия хорошие – питание. Источники. Мужчины внимательные, из местных.

Узнав от своей маргариновой Розы, что шалава Рыжова, по совету Володиной, едет по путевке в Пятигорск, Иосиф Всеволодович тоже внезапно зануждался в поправке здоровья на минералке.

– Вот, ведь, козел плюгавый, бедную Лису утешать поехал, – шептались девчонки.

– Ага, половым покрытием, – вульгарничала Арбатуева.

Момент был выбран удачно – на водах под градусами коньяка и мыслей: "Если не Ваня, то все равно кто», Любка уступила домогательствам Йосика.

– Представляешь, – рассказывала она Рыбе, – Так он мне надоел со своими стихами и гвоздиками, что я, однажды, выпила лишку и говорю – сейчас я усну и делайте, что хотите, только не порвите колготки. А он мне: "Что Вы, Любочка, я очень аккуратно – даже юбочку не помну". Утром проснулась – вся моя одежда рядышком стопочкой на стуле. А он тихо елозит – ночью что ли не хватило?

– А, ведь, могла бы замуж выйти, как приличная, – сокрушалась Володина, – Красота-то не ушла еще.

– Не нужен никто, – отвечала Рыжова, – Мужа, ведь, любить полагается, а я Ваню люблю. И он меня любит, я знаю. Вернется, я подожду.

– Дура-ты, дура! – с облегчением смеялась Рыба, втайне радуясь такому положению дел. Если бы Любке, и впрямь, удалось переломить судьбу и устроить семейное счастье, то Володина от зависти и обиды, наверное, перестала бы спокойно спать по ночам. – Вернется, жди. Из трешки с ребенком в Москве в твою комнатушку с тараканами за сто верст на электричке.

– Йося обещал насчет квартиры, у него в исполкоме то ли родственник, то ли родственник родственника.

– А, ну тогда понятно все. Дадут, конечно. Тяжело ж ему по другим городам и гостиницам шараться с тобой, в его-

то возрасте. А в комнату нельзя – там у стен уши. Тебе самой-то не противно?

– Иногда, все равно, а иногда противно, но я терплю. Дадут квартиру, уволюсь к чертям собачьим. Будет квартира – и отношение ко мне совсем другое будет. И Ване будет куда вернуться, если что.

– Ну смотри, но я б не смогла. Противный он.... Да и Жанка че-то пыхтеть начала, вдруг, догадается.

– Мне терять нечего, сама знаешь, репутация – табак. Как твои девочки-то? Подошли им колготочки?

– Ой, да все хорошо, что не дай – сама ж знаешь, как живем. И как я только держусь, чтобы и себе не завести такого ж черта плюгавого со связями. Но я же мать – мне нельзя дочерям пример подавать, – Машка покосилась на подругу: "Застыдила ли?", но та уже не слушала, глаза смотрели вдаль, за стекло, а мысли, наверное, улетели еще дальше – за сто верст.

– Ладно, побегу, – внезапно очнулась Рыжова, – Чехов, избранное, в набор сдавать скоро.

– Да, ладно. Уж теперь-то можешь не торопиться, без премии не останешься, – делано-добрым смехом хохотала вслед Машка.

В дверях Любка наткнулась на обширную фигуру хмурой Жанны, но ни одна нервная клетка ни одной из столкнувшихся не пострадала.

Связь с Йосиком неожиданно стала индульгенцией для

Рыжовой – в корректорской ее начали жалеть. Справедливость восторжествовала – красавец-инженер поматросил и бросил и утешаться пришлось в объятьях мерзкого старикашки, что, конечно, никакого не утешение, несмотря на полученную квартиру и послабления на работе. "Умом повредила на почве несчастной любви, прям, как Офелия – твердила Арбатуева, – Не старая ж еще, могла б и получше кого найти, да и замуж могла бы за иногороднего".

Новый год на работе отмечали тридцатого – и Любка на сей раз была допущена к общему столу. Помянули и ее вчерашний день рождения, поздравили – тридцать лет, все-таки, круглая дата. Рыжова расчувствовалась и подняв рюмочку встала и глядя прямо на Йосика, сидевшего на другом конце стола, в обнимку со своей маргариновой Розой тостовала:

– С новым счастьем, коллеги! За новую жизнь. Завтра иду писать заявление на расчет.

Все радостно ахнули, а Йосик тут же заслезился от неожиданности, и только его Жанна продолжала жевать "Оливье" и подливать «Лучистое» себе в бокал.

Однако, судьба снова готовила Любке подвох – уйти по собственному не получилось – через семь месяцев от Нового года пришлось уйти в декрет, а через девять месяцев родилась Наталья Николаевна. Йосик очень хотел, чтобы Наталья была Иосифовной, но Люба ограничилась фамилией Осипова, а отчество для дочери позаимствовала у несчастной же-

ны Пушкина. Скандал, конечно, был. Жанна вяло прозрела и даже без особых эмоций собиралась подать на развод и размен квартиры. Но потом все как-то поутихло, был куплен торт "Киевский" и путевка в Пицунду для Жанны и ее мамы.

Рыжова вскоре получила двухкомнатную квартиру, и Рыба уже мешала с сочувствием изрядную порцию черной зависти: "Прибеднялась, прибеднялась, а сама – вон как, родила и квартиру в новом доме хапнула, а я-то ее жалела". Володина со своими пучеглазками жила в хрущевке на четвертом этаже. Раньше ее квартира казалась ей уютной и презентабельной – двушка, этаж не первый и не последний, балкончик, румынская стенка – мама ("Царствие небесное") в очереди достоялась. А теперь – кухня и коридор – не развернуться, комнаты проходные, маленькие. Горячая вода – через газовую колонку. С тяжелыми сумками из магазина – лезь на четвертый по тесной вонючей лестнице. А у Рыжовой (чтоб ей пусто было) – кухня девять квадратов, прихожая семь, комнаты на две стороны, лоджия – четыре метра – больше хрущевского санузла, туалет отдельный с ванной, лифт. Встроенные шкафы, кладовая. Новые кругом. Свой домашний телефон! "Господи, за что?!".

До пяти лет Любка считала себя самой счастливой матерью. Иосиф же начал подозревать неладное гораздо раньше, но она и слушать не хотела: "Наташенька, все понимает. Ну, молчит – это не беда. Она слушает, а потом все сразу скажет. Так бывает". В пять лет как-то сразу стало понятно, что и не

понимает, и не скажет. Йосик уговаривал: "Любочка, надо в интернат, пока не поздно, ты же видишь, ребенок необучаем, а там специальные педагоги, методики. Я договорюсь, в Москве, очень хорошее заведение". Рыжова почернела и осунулась, она еще на что-то надеялась, но у Наташи начались припадки, и она сдалась. Успокаивалась тем, что Наташеньке там помогут – все исправят и она скоро сможет забрать дочку домой. Но, все равно, она знала, что предала – предала ребенка, бросила ее одну в казенных стенах среди казенных лиц. Ехала обратно из Москвы на электричке – глаза от слез не видят ничего, давка – дачный сезон – а она, словно бесплотной тенью стала – беспрепятственно сочилась в плотном потоке – от нее шарахались и обтекали – печать горя на лице, как защитный круг – никто в него не лезет.

По выходным: "Наташа, к Наташе". Всю неделю после работы – очереди – "Гостинцы Наташе, подарки няньками и заведующей". Йосик в корректорской подходит за конторку, нервничает, озираясь, гладит ту самую юбку и шепчет на ушко: "И не зайти к тебе, все тебе некогда". Рыба сочувственно злорадствует: "Пора бы, наверное, перестать к Наташе шастать, ну что ты ее бередишь? Только душу ребенку травишь, так бы она забыла и привыкла, а тут ты каждый выходной – и она, конечно: "Ма, до. Ма, до".

"Мама, домой". И каждый раз: "Скоро, дочка. Скоро, Наташенька" И сердце екает: "Заберу, сегодня же заберу, не могу больше". Но заведующая интернатом сурово увещевает:

"Ну куда ее, у нее же припадки – надо когнитивное колоть. Вы дома не сможете. И потом, тут присмотр нужен круглосуточный, обучение специальное – что же Вам, работу бросать? А отца-то нет..."

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.